

М.-С. К. Умаханов

**ДАГЕСТАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД (XV–XVIII вв.).**

В данной работе поставлена задача показать формирование исторических предпосылок для налаживания тесных торгово-экономических, культурных и политических взаимосвязей между русским и дагестанскими народами, приведших к обоснованию русских властей в Дагестане, к созданию Россией целого ряда городов и крепостей на Северном Кавказе, в частности в Дагестане. Это были Терский и Сунженский городки, крепость Святой Крест, Кизляр и как бы в завершение этого процесса – строительство города Порт-Петровска, который ныне называется Махачкалой и является столицей Республики Дагестан.

Если внимательно проследить данные источников по этому вопросу, можно убедиться, что присоединение Дагестана к России по условиям Гюлистанского ирано-русского мирного договора 1813 г. было не случайным событием, а как бы закономерным явлением, хотя в последнее время становятся доступными обществу и интерпретации несколько иного плана этого очень важного с точки зрения развития в дальнейшем событий политического характера в этом регионе Прикаспия, т.е. в Дагестане, ставшем объектом политических интересов не только нашей страны (Российской Федерации), но и других ведущих мировых держав современности, в частности даже далеких от Кавказа США, события.

В трудах таких выдающихся дагестанских историков, как Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, С.Ш. Гаджиева, В.Г. Гаджиев, а также в коллективных изданиях «История Дагестана» (История Дагестана, 1967; История Дагестана... 2004. Т. 1) прослеживается неразрывный и взаимовыгодный характер русско-дагестанских отношений, хотя и имели место между обоими партнерами и очень серьезные столкновения с тяжелыми потерями с обеих сторон.

Народы Дагестана особенно в средневековый период убеждались, что тесные связи с Россией и, следовательно, ее политическое покровительство в известной мере гарантировали им безопасность, служили сдерживающим фактором от вторжений иранских сефевидских шахов и крымско-турецких войск в XV–XVIII вв.

Царские власти тоже учитывали важность внешнеполитической пророссийской ориентации феодальных владетелей Дагестана, которых они привлекали на свою сторону наградами, присвоением им чинов и званий, а также деньгами, ценным даром.

События рубежа XX–XXI вв. также показывают живучесть этой традиции.

Интерес русских царей к Прикаспию, где проживали уже, начиная с VIII–IX вв., разные народы (гунны, хазары, тюрки, и др.), уступившие свои земли современным его жителям (в первую очередь кумыкам), объяснялся тем, что эта территория была благоприятной для земледелия и скотоводства, для ведения многопланового хозяйства, продукция которого шла в торговый оборот. Как отмечал Р.М. Магомедов еще в 1957 г., Прикаспийский Дагестан еще в глубокой древности выступал «как место сосредоточения древней культуры и торговли» (Магомедов Р.М., 1957. С. 144). По его же сведениям, «неподалеку от нынешнего аула Тарки в

течение продолжительного времени находилась столица Хазарского царства Семендер», которая, по свидетельству арабских писателей IX–XI вв., была «многоплодным цветущим торговым центром, окруженным садами и виноградниками», что «постройки семендеровцев деревянные, кровли выпуклые, у мусульман ... были мечети, у христиан и евреев – церкви и синагоги» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 144).. Естественно, людям и их правителям было выгодно поддерживать торгово-экономические связи с зажиточными партнерами, чем с теми, кому нечего было продавать и т.д.

Во внешнеполитических вопросах шамхалы тарковские «не прочь были иметь поддержку и даже помощь со стороны московских царей» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 150). Поэтому шамхалы сами обращались к Москве с просьбами о помощи против набегов на их владения кабардинских и черкесских владельцев (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 150–151). Таким путем шамхал старался ослабить своих политических соперников на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане. Имеются сведения о том, что «шамхал Сурхай-мурза» в 1636 г. получил в Москве грамоту о принятии его «в подданство России», которая была подтверждена царем Михаилом Федоровичем в 1643 г. (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 151)

Интересы же русских царей, поддерживавших так или иначе дагестанских правителей (шамхалов), заключались в том, что они старались сами упрочить свои позиции на Великом шелковом торговом пути, соединявшем страны Европы через Россию (по Волге) и Дагестан (по морю вдоль западного берега Каспия до Дербента) и по сухопутной трассе (Астрахань – Эндирей – Тарки – Дербент и т.д.) со странами Закавказья (Азербайджан, Иран и т.д.). Пошлины с товаров, провозившихся через таможи и контрольные посты на этом пути, обогащали дагестанских правителей, через владение которых этот «шелковый путь» проходил. Кстати, этот путь способствовал расширению и упрочению и русско-дагестанских отношений в XVI–XVII вв.

Ссылаясь на автора начала XIX в. С. Броневского, проф. Р.М. Магомедов писал, что «с этих пор в продолжение 60 лет торговые сношения Шамхальства с Россией не прерывались» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 151; Броневский С., 1823. Ч. II. С. 229). Это значило, что российско-дагестанские отношения имели тенденцию к упрочению.

По словам С.Ш. Гаджиевой, Казаналп, – владетель эндиреевский в 1643 г. писал царю Михаилу Федоровичу: «Я, холоп твой, бью челом тебе, государю, на Терке и твоим государевым воеводам в листу (речь о грамоте идет. – Авт.), что тех моих беглых людишек, из-за мурз сыскав, мне, холопу твоему отдавали. И твои государевы тех моих беглых людишек (речь о бежавших от крепостного гнета подданных Казаналпа. – Авт.) не сыскивают и мурзам про то не говорят и меж ними ссору чинят». При этом С.Ш. Гаджиева, ссылаясь на архивный документ того времени (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 46), позволяющий в определенной мере оценить состояние русско-дагестанских отношений середины XVII в. как вполне характерных взаимоотношений феодальных владетелей разного ранга, один из которых (Казаналп. – Авт.) нуждался в поддержке другого (царя. – Авт.).

Для раскрытия затронутого нами здесь вопроса очень ценны данные С.Ш. Гаджиевой о том, что «имеются сведения о том, что еще в 1557 г. крым-шамхал Бойнака, как самостоятельный владетель, обратился через астраханских воевод к московскому царю с просьбой принять его в свое подданство, защитить «от всех сторон», чтобы его «торговым бы людям дорогу пожаловал государь» (*Гаджие-*

ва С.Ш., 1961. С. 49; Кабардино-русские отношения XVI–XVII вв., 1959. Т. 1. С. 5). С 1595 г. в подданстве у царя находились правители Эндирейского владения и Эрпелинского бийлика (в него входили, кроме резиденции Эрпели, Ишкарты, Верхний Каранай, Нижний Каранай, Ахалты) (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 49).

Х.-М. Хашаев сделал очень много для выяснения истории дагестано-русских отношений еще с раннего периода (VII–VIII вв.) до включения Дагестана в состав России в 1813 г. Он отмечал, что по сведениям арабских авторов-географов IX–X вв. в Дагестане было много самостоятельных феодальных владений (Дербентское, Табасаранское, Кумухское, Башлинское, Серир, Джидан и т.д.), что Дагестан входил в состав Кавказской Албании (*Хашаев Х.-М.О.*, 1961. С. 24–25). Особенно интересны его данные о том, что «дагестанские народы, занимавшие территорию от западных берегов Каспийского моря до снеговых вершин Большого Кавказа, еще в VII в. н. э. встречались с «руссами» и славянами южнорусских степей, проезжавшими в Закавказье по торговым делам по сухопутной и водной магистралям через Дагестан. Исторические связи народов Дагестана с великим русским народом сложились еще в глубокой древности, развивались и окрепли в борьбе против общих врагов – татаро-монгольских орд, султанской Турции, крымских ханов и иранских шахов. К VII–VIII вв. относится значительное развитие торговли закавказских городов, особенно через Хазарский Итиль, со странами Восточной Европы, в частности со славянами» (*Хашаев Х.-М.О.*, 1965. С.26; *Греков Б.Д.*, 1953. С. 429).

В свое время еще знаменитый русский историк В.О. Ключевский писал, что в IX в. русские вышли к Каспийскому морю и проникли на его юго-восточные берега (*Ключевский В.О.*, 1956. Ч. I. С. 127). Об этом же писал и А.Ю. Якубовский (О русско-хазарских... 1946. Т. III. № 5). В принципе, разгром Святославом хазар обеспечил русским (руссам) свободное плавание по Волге и Каспию, сблизил народы Северного Кавказа с русским народом (*Хашаев Х.-М.О.*, 1965. С. 27).

Безусловно, большой интерес в плане данного исследования представляют сведения Х.- М. О. Хашаева о том, что «в 1175 г. 70 кораблей русского флота находились на службе у дербентского эмира и участвовали в морском сражении против Ширван-шахов» (*Хашаев Х.-М.О.*, 1965. С. 27; *Греков Б.Д.*, 1953. С. 429). Однако татаро-монгольские нашествия, а позднее – разорительные походы Тимура по Дагестану разрушили связи славян, в их числе и русских с северокавказскими народами. Эти связи возобновились только после разгрома татар Золотой Орды русскими войсками в 1480 г. Особенно расширились они в XVI в. и приобрели взаимовыгодный характер (*Хашаев Х.-М.О.*, 1965. С. 27). Об этом можно говорить потому, что еще в 1466 г. правитель Ширвана и Дербента Фарух-Ясар отправил в Москву своего посла Гасан-бека, а посольство Москвы во главе с В. Паниным было направлено к Фарух-Ясару. С этим посольством вместе ехал и известный русский купец Афанасий Никитин, подробно описавший все свои приключения во время этого путешествия (*Афанасий Никитин*, 1950. С. 80 и др.).

Присоединение Астрахани к России в 1566 г. способствовало экономическому и политическому сближению России с дагестанскими владельцами, в частности с крым-шамхалом и шамхалом. Первый из них присылал в Москву посла с предложением мира и торговли в 1557 г., а второй – в декабре 1556 г. По сведениям Х.-М.О. Хашаева, хорошо разобравшегося в этом вопросе, в 1578 г. турецкие войска во главе с Лала-Мустафа-пашой захватили Грузию, Азербайджан и Дагестан, вторглись в Дагестан из Крыма и пытались установить над дагестанцами власть султана, что вызвало решительный протест дагестанцев; в конце XVI в.

шаху Аббасу I удалось вытеснить из Дагестана турок, но положение дагестанцев особо не изменилось в лучшую сторону, так как им пришлось бороться против попыток шаха Аббаса I покорить их своей власти. Все это усилило обращение дагестанских владетелей к Москве с просьбами о помощи и покровительстве. Это сделали 8 сентября 1589г. аварский нуцал, его брат «Черный князь» и уздени, принявшие в царском укреплении на р. Сунже русское подданство, а в 1610 г. «шамхал Мурза-Гирей, казикумухский князь Алибек, аварский князь Мехти, Сурхай карабудахкентский, уцмий кайтагский, кумыкские князья» (*Хашаев Х.-М.О.*, 1965. С. 28; *Белокуров С.А.*, 1889. С. XV).

С.Ш. Гаджиева хорошо проследила в своем труде постоянный рост интереса России к Дагестану, особенно к его равнинной части, где располагалась основная территория шамхальства Казикумухского, а в середине XVII в. – со времени обособления лакцев от шамхальства и избрания ими себе особого правителя (управителя) халклавчи (глава народа) – Тарковского шамхальства, бывшего самым крупным феодальным владением (с центром в Тарках) Дагестана в XVII–XVIII вв. И здесь справедливо С.Ш. Гаджиева отмечала, что «кумыки относятся к числу тех народов, которые одними из первых на Кавказе установили общение с русским народом».

Документы XVI в. свидетельствуют, что уже тогда кумыки были тесно связаны с Россией, поддерживали с ней торговые и экономические отношения, а их владетели находились под «высокой рукой» русских царей. Эти связи особенно усилились во второй половине XVI в., когда Россия вслед за присоединением к ней Астрахани (1556 г.) укрепилась на Тереке и когда кумыкский народ вошел уже в непосредственные сношения с русским населением», и эти сношения протекали в напряженной международной обстановке, которая подогревалась в своих политических целях правителями Ирана и Турции, боровшимися между собой за господство над народами Дагестана (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 54).

Уже в 1556 г. послы шамхальства обратились к астраханским царским воеводам с предложением установить торговые связи. В 1613 г. владетели Карабудахкента (Сурхай), Кумторкалы (Магомедхан-Мурза), Губдена (Салтан-Магмуд) и шамхал тарковский приняли присягу верности новому царю Михаилу Романову «по шертовальной записи на куране на том, что им служить и прямить царю, послов к шаху через Кумыцкую землю и обратно встречать и провожать, дурна им не делать..., к шаху не отстать, быть в прямом холопстве под царскою рукою неотступным на веки» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 55).

За 1614–1642 гг. в Москву было отправлено 13 посольств от тарковских и два от кумторкалинских владетелей с просьбой о принятии их в русское подданство. Обычно, когда владетели Дагестана узнавали о подготовке иранскими или турецкими правителями похода в Дагестан, они поспешно отправляли послов к русским царям с просьбой о помощи на такой случай (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 55). Отмечено было С.Ш. Гаджиевой и то, что временами отдельные феодальные владетели (правители особенно), в их числе и кумыкские, находились в двойной вассальной зависимости – от царя и от шаха иранского; по ее же наблюдениям одновременно с политическими отношениями расширялись и экономические связи, чему способствовало прохождение через приморскую территорию Дагестана сухопутной трассы международного торгового пути («шелкового пути»), соединявшего страны Западной Европы и Россию со странами Закавказья, Ираном, Средней Азией и т.д. Не вызывает сомнений и утверждение С.Ш. Гаджиевой о том, что политиче-

ские и торговые связи кумыков с Россией особенно усилились после основания царскими властями Терского городка в 1558–1559 гг., куда со своими товарами приезжали купцы из центральной России, Ирана, Закавказья, Дагестана, Кабарды, Осетии и торговали здесь хлебом, мясом, лошадьми, ремесленными изделиями (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 53–56).

Царское правительство делало все возможное для усиления своих политических позиций на Северном Кавказе, в особенности в Дагестане. Как правило, послы дагестанских, в том числе кумыкских, владетелей отпускались из России с ценными подарками для правителей, за верность и службу им устанавливались денежные и «хлебные оклады», предоставлялись таможенные льготы на отправляемые в Россию товары.

В конечном итоге политически раздробленный, разоренный бесконечными нашествиями войск Персии и Турции Дагестан стал все больше и больше ориентироваться на Россию (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 56). При этом, ориентируясь на Россию, «феодалы стремились с ее помощью укрепить свое положение, приумножить свое имущество», усилить феодальный гнет, «а крестьянство рассчитывало с помощью России получить защиту от иноземных вторжений и междоусобиц, смягчить гнет своих владетелей» (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 44).

Эти связи подкреплялись и торговыми операциями. Известно, что посол шамхала Сурхая в 1642–1643 гг. привозил в Москву товар на 8110 руб. (*Хашаев Х.-М.О.*, 1961. С. 29; *История Дагестана...*, 1967. Т. 1. С. 286–287; *Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 130–136; *История Дагестана...*, 2004. Т. 1. С. 386–388). Безусловно, и дагестанцы не возвращались домой без купленного в России товара. В целом же процесс налаживания торгово-экономических связей феодальных владетелей Дагестана и их подвластных с Россией в XVII в. испытал ряд тяжелых моментов. Первый из них был в 1604–1605 гг., когда по просьбам грузинских и ряда кабардинских князей войска царя Федора и Бориса Годунова в количестве более 10 тыс. стрельцов и примкнувшие к ним отряды ногаев совершили поход во главе с воеводой Бутурлиным и Плещевым, взяли штурмом Тарки, Эндирей, Эрпели, Карабудахкент и целый ряд других дагестанских сел, ограбили их жителей, вели себя как настоящие завоеватели, что было отмечено еще Н.М. Карамзиным. Но в конечном итоге эти царские войска были разгромлены весной 1605 г., когда, заключив договор с шамхалом и его коалицией, в которой ведущую роль играл один из четырех сыновей шамхала Чупана (или Сурхая) Султан-Махмуд (Султан-Мут) эндирейский, вышли из Тарков, где они зимовали, и двинулись к берегам Койсу.

Урегулированию дагестано-русских отношений с меньшими потерями могло нашествие иностранных интервентов на Россию в 1606–1612 гг., оккупация ими Москвы и т.д. По сути дела, царское правительство было лишено в эти годы возможности организовать какую-либо карательную экспедицию в Дагестан за разгром царских войск во главе с Бутурлиным.

Как отмечено в исторической литературе, «как только дагестанские владетели были осведомлены терскими воеводами в 1614 г. об изгнании иностранных интервентов из России и избрании русским царем Михаила Федоровича, ему на верность присягнули Сурхай, Гирей и Ильдар тарковские, Алибек казикумухский, Магомед-хан таркаловский, уцмий Кайтага Рустам-хан, «уварский» правитель Махтий, Султан-Махмуд эндирейский, Андий-шамхал, Сурхай карабудахкентский, Будачей эрпелинский. Все они опасались в тот период нашествия войск шаха Аббаса I на Дагестан, о чем они были осведомлены, и просили царя о покрови-

тельстве им перед шахом, который с учетом ходатайства царя по этому поводу отменил намеченные уже им походы его войск на Дагестан, Грузию и Кабарду. Роль России в глазах дагестанцев того периода, естественно, от этого усиливалась, рос ее авторитет перед дагестанскими владетелями, которые в своей внешней политике все сильнее ориентировались на Россию, искали ее помощи и поддержки на случай вторжения в Дагестан шахских войск. Это видно было из этого, что к 40-м годам XVII в. почти все феодальные владетели Дагестана выразили готовность находиться на царской службе.

В 1629–1630 гг. аварский нуцал выразил это в двух грамотах к воеводам Терки. В 1630 г. шамхал Ильдар, в 1631–1632 гг., а также в 1634–1636 гг. уцмий Кайтага Рустам-хан выражали готовность присягнуть царю. Султан-Мут эндирейский делал это не раз. В 1637 г. царю присягнул Багомет кафиркумухский; в 1638 г. это сделали Гирей и Сурхай тарковские, а также Казаналп эндирейский, Чупан кафиркумухский, Салтан-бек карабудацкий, а в 1645 г. аварские «Загаштука-мурза Турлов, да Турлов-мурза», а также аварский нуцал, владетели Кафиркумуха, Бойнака (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 139–141).

Другим серьезным испытанием для русско-дагестанских отношений в XVII в. явилось участие (хотя и вынужденное) дагестанских феодальных правителей в антироссийском походе шаха Аббаса II в 1652г. под Сунженский городок. По имеющим достоверным данным, возглавлял поход Хосров-хан шамахинский, который был обижен на русских за то, что гребенские казаки принимали участие в грабеже в 1650 г. каравана дагестанских и ширванских торговых людей, среди товаров которых были товары и Хосров-хана, возратить которые терские воеводы отказались. В этом походе приняли участие 500 человек из Шемахи, 300 человек с двумя пушками из Дербента, к которым примкнули отряды уцмия Кайтага Амирхан-Султана, шамхала Сурхая и Казаналпа эндирейского. К ним примкнули и улусы ногаев Чебан-мурзы и Шатемир-мурзы (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 176).

Если вкратце затрагивать этот вопрос, нападавшие на Сунженский городок нанесли значительный урон царским владениям и «кабакам» (села) Муцала черкасского, захватили много пленных, более 3000 лошадей, 500 верблюдов, около 10 тыс. голов крупного рогатого скота и 15000 овец (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 184–185; *Русско-дагестанские отношения XVII...*, 1958. С. 185). Все дагестанские феодальные правители, начиная от Дербента и кончая эндирейским владетелем, сразу же после ухода шахских войск с Терека снова обратились к царским властям с просьбами о прощении, объясняя, что у них не было другого выхода, как примкнуть к проходившим через их владения на север к Тереку шахским отрядам (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 184–189), в перспективе имевшим план нападения и на Астрахань (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 184). Но в конечном итоге ушедшим туда, откуда они пришли, с нулевым по сути дела результатом.

Сурхай тарковский писал царю, что его отряд русским пленным «ни единому человеку и носа не окровили и... здорово выпустили», хотя их всех «мочно было побить» (*Русско-дагестанские отношения...*, 1958. С. 191). В целом владетелям Дагестана удалось наладить отношения с Россией; многие из них принесли присягу в верности царю (шамхал Сурхай, Казаналп эндирейский, Ахмедхан дженгутайский, Умархан кафиркумухский, владетель Бойнака Будай-бек Багоматов) (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 189). Шамхал-Сурхай в 1663 г. выразил готовность и впредь служить царю, но просил прекратить набеги казаков на его торговых людей (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 196).

В 1677 г. шамхал отправил в Москву товары на 1097 руб. для продажи, 9 коней (аргамаков) в подарок царю и грамоту о готовности служить ему (*Умаханов М.-С.К.*, 1973. С. 199). В этом же году в Астрахань прибыл Асанбек кафиркумукский с 7 узденями, вместе с которыми он принял участие в боях под Чигирином на стороне русских в русско-турецкой войне 1677–1678 гг.

В целом в XVII в. наблюдалось постепенное расширение и углубление торгово-экономических отношений Дагестана с Россией. В.Г. Гаджиев писал по этому поводу, что «конец XVII века прошел для народов Дагестана и Северного Кавказа относительно спокойно», что «благоприятно сказалось на укреплении экономических и политических связей Дагестана с Россией. Свидетельством этому служат данные из Астраханской приказной палаты за июнь 1676 г. о прибытии в Астрахань более 22 купцов с различного рода товарами местного и «заморского» производства. В июне 1676г. отпущен кубачинец Асанка Магаметов с товаром: (7 пуд меди красной в котлах, 2 пуда меди зеленой котловой, 18 зеркал малой руки, 3 кожи красных телятинных, 6 аршин сукна кармазину, 35 овчинок, 5 тыс. игол, 100 булавок, 4 гривенки краски, 6 зеркал, 5 блюдец деревянных, 10 епанеч черкасских малой руки, 3 сабли. Другой кубачинец Али Амзаев «для обережи пищаль, фунт пороху, свинцу тоже». Некий Фуручка Эселбеков в своих двух струшках вывез с собой «103 юфты кож..., 4 половинки сукна кипного, 7 аршин сукна полукармазину черного, полтретья пуда пуху гусиного, 18 пудов проволоки, 4 пуда котловой зеленой меди, 4 тыс. булавок, 4 тысяч игол, 10 зеркал, 4 топы стамеду, половинка сукна аглитского, 6 аршин сукна аглитского ж, 100 овчинок курпечатых, мех куней большой, 6 тарелок оловянных», а чуть позднее из Астрахани в Дагестан (в 1688г.) 4 купца вывезли 140 топ. бумаги (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 93). Из Дагестана в российский Терский городок поступала продукция земледелия и животноводства, изделия дагестанских ремесленников, скот, зерно, мука, фрукты, рыба, овчины, шубы, попоны, марена, ковры, паласы, сумахи, изделия кубачинских мастеров, шелк, андийские бурки. Эта же продукция поступала на продажу в Москву. Важно было в сближении Дагестана с Россией и разрешение царскими властями вывоза в Дагестан татарских пленников (ясырей), а также оружия того времени – пищалей, сабель, панцирей (*История Дагестана...*, 2004. Т. 1. С. 336).

Основой установления и развития дружественных связей между казаками и тюркскими народами являлись их известная взаимозависимость и взаимозаинтересованность в укреплении экономических и политических связей (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 96). Особенно тесные связи устанавливались между горцами и казачьим населением в притеречных станицах. Эти связи и покровительство России горцам Дагестана в условиях военной опасности способствовали росту и укреплению ориентации народов Дагестана на Россию (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 97).

Конец XVII и начало XVIII в. для Дагестана были нелегкими, так как он попал в орбиту политических интересов Турции, Ирана и России (*История Дагестана...*, 1967. Т. 1. С. 337), которые соперничали в борьбе за господство на Кавказе, особенно над Дагестаном. В этой обстановке Россия сосредоточила свое внимание на бассейне Каспия, пытаясь торговлю по Каспию использовать в целях развивавшейся российской мануфактурной промышленности, нуждавшейся в таких видах сырья, как шелк-сырец, хлопчатая бумага, нефть, руда и т.д. Именно с этой целью император Петр I приказал в 1700 г. астраханскому воеводе Мусину-Пушкину «наладить дружественные и торговые сношения с дагестанскими гор-

цами», торговцы которых чаще стали прибывать в Терки, Астрахань и другие города России (История Дагестана..., 1967. Т. 1. С. 338).

Русские купцы тоже не отставали от них. Особую значимость, как центр международной торговли, в этот период приобрел Дербент. На рубеже 20-х г. XVIII в. владетели Дагестана активно начали проситься в подданство России. В 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей просил царя принять его под свое подданство. В 1719 г. так же поступил посол шамхала Магомед-бек Алипкачев. Просились в подданство России также аксаевские и костековские владетели, кайтагский уцмий и др. Удовлетворению этих просьб мешало то, что Россия, занятая Северной войной, не решалась открыто присоединить к себе прикаспийские провинции Кавказа. Но она не могла допустить и их занятия ни турками, ни персами, против амбициозных замыслов которых горцы вели неравную борьбу, которая хорошо описана в исторической литературе (История Дагестана..., 1967. Т. 1. С. 331). В конечном итоге Османская империя приняла под свое покровительство одного из лидеров горцев, возглавивших их антииранскую борьбу в начале XVIII в. Это был выходец из Мюшкюра Хаджи-Дауд, которого Турция провозгласила шемахинским ханом, отвергнув услуги Сурхай-хана кумухского.

Русское правительство не могло быть довольным этим практическим захватом прикаспийской части Азербайджана и Дагестана (в частности Дербента) турками. Россия решила показать свою военную мощь. Петр I, покончив к этому времени с Северной войной, с 1720 г. «стал готовиться к походу на Кавказ. К маю 1722 г. его подготовка была завершена. Петр I объявил о целях своего похода, что он совершается не против шаха и не против султана, а цель его состоит в наказании «лезгинских бунтовщиков», захвативших город Шемаху, где были ограблены и русские купцы на очень большую для того времени сумму денег; населению же была обещана полная безопасность (История Дагестана..., 1967. Т. 1. С. 314).

27 июля 1722 г. Петр I высадился в Аграханском заливе. Конница шла сухим путем от Астрахани. При прохождении ее через Эндирей она была атакована местными жителями. Но эндирейцы были разбиты, и далее царская конница соединилась с прибывшими в Астрахань войсками. Там ее встречали шамхал Адиль-Гирей тарковский и Султан-Махмуд аксайский. Шамхал Адиль-Гирей устроил в Тарках прием в честь Петра I. Дал ему большое количество волов для перевозки воинских грузов. 15 августа войска Петра I двинулись на юг к Дербенту. Они были в пути атакованы лишь отрядами уцмия Кайтага Ахмеда-хана и утамышского Султан-Махмуда. 23 августа 1722 г. без боя русскими был занят Дербент, где Петр I провел несколько дней. Но положение его войск было крайне тяжелым, так как среди солдат начались болезни, не хватало фуража, падеж лошадей был велик. Особенно тяжело стало положение царских войск, когда шторм на море потопил или перевернул корабли, груженные мукой (История Дагестана..., 1967. Т. 1. С. 348).

В этих условиях, оставив гарнизоны в Дербенте и в ретрашментах на Рубасе, в Бойнаке и Тарках, Петр I вернулся в Аграхань, где по его указанию и даже плану была заложена крепость Святого Креста. Вскоре Петр I, дав соответствующие указания и полномочия назначенному им командующим всеми русскими войсками на Кавказе ген.-майору Матюшкину, отплыл в Астрахань. Петр I решил, что нельзя уступать соперникам ни Дербент, ни Баку, тоже занятый царскими войсками.

Между Ираном и Россией переговоры завершились подписанием в сентябре 1723 г. Петербургского договора, согласно которому шах уступал России в вечное владение прикаспийские провинции Кавказа (История Дагестана..., 1967. Т. 1. С.

349). Через год были урегулированы отношения России с Турцией по кавказской, в том числе и дагестанской, проблеме заключением в июле 1724 г. мирного договора России с Турцией в Константинополе о разделе между ними Кавказской территории. По договору за Россией утверждались прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджан, как «добровольно» уступленные шахом. За ней же закреплялась прибрежная полоса шириной 119 верст у Дербента и 43 версты у Шемахи. Остальная территория Азербайджана, а также Грузия и Армения отошли к Турции. Под ее протекторат было передано Шемахинское ханство (История Дагестана..., 1967. Т. 1. С. 349–350).

Кавказские народы не признали эти условия справедливыми и отвергли их. Не признал их и Сурхай-хан казикумухский, которого и Турция и Россия хотели привлечь на свою сторону. Он был признан ханом Шемахи в 1728 г. (История Дагестана..., 1967. Т. 1. С. 351), а его соперник Хаджи-Дауд был турками арестован и увезен в Турцию. Положение народных масс в прикаспийской части Ширвана и Дагестана совершенно не улучшилось от этого.

Нас более интересуют в этой ситуации отношения дагестанцев с Россией. Все вроде, казалось, шло хорошо с «персидским» походом Петра I. Но, когда царь приказал строить крепость Святого Креста, шамхал тарковский Адиль-Гирей стал проявлять беспокойство за свое владение. Остальные феодалы Дагестана тоже поддерживали его в этом. Шамхал собрал значительные силы и двинулся на крепость Святого Креста, располагавшую 11529 солдатами. Но он был разбит, бежал в горы, потом явился в лагерь своих врагов, возглавляемых с ген.-майором Кропотовым. Шамхал был арестован, отстранен от власти, лишен всех чинов и званий и отправлен в Россию, где он и скончался (История Дагестана..., 2004. Т. 1. С. 426–427).

Что касается остального, завершение строительства плотины на р. Сулак позволило проводить средние суда по р. Аграхани почти до самой крепости и установить морское сообщение с Астраханью.

Решение Правительствующего Сената от 28 марта 1724 г. о беспошлинном провозе и свободной продаже вина, табака, всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста способствовало развитию торговли в Прикаспийском регионе Кавказа и в Дагестане. Эта крепость стала главным административно-политическим центром России на Северном Кавказе. В ней содержались заложники дагестанских феодалов, многие из которых вновь присягнули России.

Отметим здесь же, что в этой крепости присягали на верность царю в 1726 г. кубинский хан Хусейн, в 1727 г. – владетель Аварии, просились в подданство России лезгинские союзы сельских общин, в 1731 г. приняли присягу на верность царю и андийцы (История Дагестана..., 2004. Т. 1. С. 427–428; *Хашаев Х.-М.О.*, 1961. С. 31). В целом российско-дагестанские отношения налаживались быстро. Даже попавшие в зону влияния Турции общества Дагестана искали торгово-экономические контакты с Россией, уделявшей огромное внимание развитию виноградарства, садоводства и огородничества, производству шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены, шафрана, вина и т.д. Эта политика, безусловно, способствовала сближению дагестанских народов с Россией.

Однако международная обстановка серьезно препятствовала этому. Речь о том, что «после 13-летнего владения прикаспийскими областями Россия в силу внутренних затруднений и особенно внешнеполитических осложнений подписала

с Ираном Рештский (февр. 1732 г.) и Гянджинский (март 1735 г.) договоры». По их условиям российские власти вывели свои войска из Азербайджана и Дагестана на левый берег Терека, а крепость Святого Креста была скрыта. Ее население принимало активное участие в возведении новой российской крепости – г. Кизляра «на болотистой местности» у слияния Терека и Таловки. Кизляр в дальнейшем играл важную роль в осуществлении экономической политики царской России в Северо-Кавказском регионе (История Дагестана..., 2004. Т. 1. С. 433; *Хашаев Х.-М.О.*, 1961. С. 32). Он и ныне играет такую же важную роль; значение его резко усилилось после распада СССР и образования суверенных республик на территории бывшего Союза, в частности на Кавказе.

Особо важную роль играл Кизляр, как отмечалось выше, в развитии торгово-экономических отношений в крае. Сюда привозили товары не только окрестные народы, но и приезжали купцы и торговцы из стран Закавказья, Средней Азии, Ирана и даже далекой Индии (История Дагестана..., 2004. Т. 1. С. 433). Отсюда следует вывод, что «восточный» или «каспийский» поход Петра I в конечном итоге привел к упрочению политических позиций России в прикаспийской части Кавказа. Горцы после этого доверчивее стали относиться к России, опасаясь нашествий войск Ирана или Турции, активизировавших свою агрессивную политику в отношении Дагестана и Кавказа в целом.

Однако всю картину налаживания положительных взаимоотношений народов Кавказа с Россией испортили нашествия на Дагестан в 30–40-х годах XVIII в. войск кровожадного иранского правителя Надир-шаха, принесшие огромные страдания и потери народам Дагестана, но не приведшие к покорению горцев иранскому правителю, в конечном итоге с позором ушедшему из Дагестана. Все это хорошо освещено в исторической литературе (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 316–330; *Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 58–60; *Хашаев Х.-М.О.*, 1961. С. 32–34; *Сотавов Н.А.*, 2000 и др.) и здесь нет особой необходимости и возможности на них подробно останавливаться из-за ограниченности объема статьи. Поэтому отметим только, что Россия не оказала существенной помощи дагестанцам в борьбе с полчищами «Грозы Вселенной», как назывался Надир-шах, но, как отмечено в «Истории Дагестана» (История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 369), русское правительство делало все возможное, чтобы удержать Надир-шаха от войны в Дагестане. В целом политика России на Кавказе благоприятствовала борьбе народов Дагестана за независимость и способствовала крушению планов Надира» (История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 371). Антироссийская пропаганда Турции тогда не нашла особой поддержки среди населения Дагестана (*Хашаев Х.-М.О.*, 1961. С. 33).

* * *

На состоянии российско-дагестанских отношений отрицательно сказались в XVIII в. еще 2 события, которые получили достаточно подробное отражение в исторической литературе. Первое из них – инцидент, спровоцированный уцмием кайтагским Амир-Гамзой с целью отомстить Фатали-хану кубинскому за захват им Дербента в 1765 г. и отказ в принципе отдать за уцмию замуж свою сестру Хадидже-бике, хотя сам Фатали-хан уже был женат на сестре уцмия Туту-бике (*Алиев Б.Г.*, *Умаханов М.-С.К.*, 1999. Т. I. С. 274). Против Фатали-хана кубинского в Дагестане сформировалась коалиция во главе с уцмием Амир-Гамзой. Фатали-хан даже обратился за помощью к Москве, скрываясь в Сальянах. В это же время Ту-

ту-бике обороняла город Дербент от своего брата Амир-Гамзы, пытавшегося овладеть этой крепостью разными способами.

Второе недоразумение возникло в 1774 г., когда уцмий Кайтага Амир-Гамза задержал действительного члена Российской академии наук проф. С.Г. Гмелина, изучавшего историю, географические условия жизни, экономику, политический строй народов Восточного Кавказа и Персии. Уцмий требовал от России выплаты ему 30 тыс. руб. серебром или возврата 200 семейств его подвластных, бежавших в Кизляр еще в период нашествий на Дагестан полчищ Надир-шаха. Начались переговоры об отпуске С.Г. Гмелина, который скончался в плену, пока шли переговоры в Ахмед-кенте. Москва направила для наказания уцмия войска в количестве 2530 человек 1 марта 1775 г., а 4 марта русские войска в 16 км от Дербента в местечке Иран-хараб разбили отряды Амир-Гамзы и освободили Дербент. Дальше 1411 человек русских во главе с майором Криднером и отряды Фатали-хана совершили карательную экспедицию в Кайтаг и Табасаран, нанесли ряд ударов по противнику, но сами, чуть было, не погибли, с трудом вернулись обратно, понеся значительные потери. Клубок противоречий в рассматриваемом регионе значительно увеличился. Тем не менее русско-дагестанские торгово-экономические и политические контакты продолжали укрепляться: в конце 1786 – начале 1787 г. Аксаевское, Костиковское и Эндиреевское владения были приняты в подданство России. В 1786 г. уцмий Кайтага просился в подданство России. В самом начале 1787 г. в Кизляр прибыл посланник Умма-хана аварского Дала с прошением и перечнем обязательств, которые он должен был выполнять при его принятии в подданство России. С подобными просьбами к русским властям в Кизляре прибыли посланники казикумукского и кюринского Магомет-хана Али-ага и Кара-ага, представитель Рустам-кадия табасаранского и др. Царские власти с большой охотой принимали таких просителей, одаривали их подарками.

Поэтому народы Северного Кавказа, в их числе и Дагестана, не поддерживали турецких агентов, лояльно относились к русским. Так, 31 марта 1788 г. генерал Алексеев подчеркивал в своем рапорте преданность России шамхала тарковского и уцмия кайтагского. Генерал-майор Горич 3 февраля 1788 г писал князю Потемкину, что находит «во всех горских народах доброе к нам (к русским. – Авт.) расположение», что из них можно «собрать войско» (История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 398). В этом успехе царской дипломатии важную роль сыграли и наставления генералу от 28 февраля 1722 г. русской императрицы Екатерины II «не единою силою оружия ... побеждать народы, ... но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе доверенность, кротостью смягчать, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими» (История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 400).

Кстати, этот совет императрицы продолжал действовать и во время прохождения царских войск в 1796 г. с севера к Дербенту, чтобы предотвратить его захват войсками кровожадного Ага-Магомет-хана, вознамерившегося подчинить своей власти Азербайджан, Грузию и Дагестан. Ага-Магомет-хан взял довольно легко Тбилиси, разорил и ограбил его, убивал тысячами мирных жителей, в их числе и мусульман, хотя себя считал мусульманином (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 164).

После взятия Тбилиси Ага-Магомет-хан потребовал от народов Дагестана покорности, грозя учинить с ними то, что сделал в Грузии. Это взволновало народы и правителей Дагестана. Они все оказались на должном патриотическом уровне. Шамхал тарковский, уцмий кайтагский, кадий табасаранский, Али-Султан дженгутаевский и другие владельцы собрались на общий совет и единодушно от-

клонили требования персидского завоевателя. Договорились между собой действовать сообща, если Ага-Магомет-хан двинется к пределам Дагестана. В эту трудную минуту все они обратились с просьбой о помощи к России, которая в целях своей кавказской политики решила оказать им помощь. Екатерина II предписала российским войскам в 1796 г. охранять не только Грузию, но и Ширван, а также Баку, Дербент с Дагестаном, не оставить без покровительства шамхала, уцмия и дербентского хана (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 165; *Дубровин Н.*, 1886. Т. III. С. 60).

В этом плане очень важно отметить, как повели себя дагестанские феодалы и российские генералы в создавшихся тогда политических условиях.

Согласно «всепопданнейшему донесению» главного командующего царскими войсками на Кавказе Гудовича от 31 января 1796 г. «шамхал Мугамет и сын его Махти, управлявший по слабости отца, шамхальством, весьма обрадовался приходу русских; Махти присоединился к отряду» русских. Уцмий Алибек лично подтвердил данную им присягу на подданство; табасаранский кадий Рустем, акушинский кадий и Али-Солтан дженгутайский обязались все дать отпор Ага-Магомет-хану и все они получили денежное вознаграждение за это от ген.-майора Савельева, возглавлявшего царские войска, шедшие в Дербент (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. III. С. 273). Только Шихали-хан дербентский демонстрировал антироссийские настроения, написал ген. Савельеву, что «будет противиться вступлению русских в его владение и заперся в Дербенте. Отправленного к нему майора Ахвердова он принял, – как отмечал еще П.Г. Бутков, – весьма дурно, даже хотел отправить к Ага-Магомет-хану: его удержало от этого строгое письмо уцмия» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. III. С. 273).

За обещание поддержать русские войска уцмий кайтагский получил от ген. Савельева 2 тыс. руб., а табасаранский и акушинский кадии получили по 500 руб.

Бакинский Гусейн-Кули-хан прислал в поддержку Шейх-Али-хану две пушки; Ханбутаи казикумухский также решил подать помощь Дербенту, т.е. Шихали-хану (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. III. С. 274); также решили поступить табасаранские владельцы Магмут-бек – брат табасаранского кадия Рустама и Маасум – Заграб (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. III. С. 274). Однако русские генералы были решительно настроены и заявили о своем намерении взять Дербент силой.

Сам ход событий, связанных со взятием царскими войсками Дербента в 1796 г., выглядел по П.Г. Буткову так:

В ответ на антироссийское поведение Шейх-Али-хана дербентского ген.-майор Савельев 26 фев. 1796 г. приказал открыть огонь по городу Дербенту. Каноада длилась до 25 марта, но особого успеха не имела. Русские войска с ген.-майором Савельевым даже отошли от Дербента и расположились лагерем при реке Дарбахе. Но это был просто маневр, пока подойдут основные силы русских во главе с графом Зубовым.

18 апреля 1796 г. войска выступили в поход. Их возглавлял граф. В. Зубов.

22 апреля они переправились через Койсу.

25 апреля войска дошли до Тарков. За 3 версты от города их встретил шамхал «Мугамет», получивший в подарок часы.

26 апреля войска, вытянувшись в одну колонну, прошли мимо Тарков на юг.

27 апреля. Русские дошли до Бойнака и прошли на юг. Мехти – сын шамхала встретил гр. Зубова за 10 верст от этого места.

28 апреля войска достигли р. Гамри-Озень во владениях уцмия.

29 апреля ген.-майор С.А. Булгаков отправился по приказу главнокомандующего из лагеря при Гамри-Озени для занятия Дербента с его южной стороны. Одновременно главный корпус войск двинулся к Дербенту с северной стороны (Бутков П.Г., 1869. Ч. III. С. 282).

1 мая отряд ген. Булгакова переправился через главный табасаранский хребет Бент.

2 мая Каспийский корпус расположился в 1 ½ версте от крепости у родника Аван-Булак.

3 мая обозы отряда Булгакова дошли до предместий Дербента.

4 мая отряд Булгакова расположился в 30 сажнях от Дербента в ханских садах, примкнув правым крылом к Каспийскому морю.

7 мая 1796 г. была взята башня, неудачно штурмованная пред тем Римским-Корсаковым. Армяне привели к нему перехваченных ими 3 чиновников и 12 др. лиц, посланных Шейх-Али-ханом к бакинскому и казикумухскому ханам.

8–9 мая – сильный огонь русских батарей по городу.

10 мая – разрушение самого крепкого бастиона Нарын-кала.

10 мая 1796 г. Шейх-Али-хан сдался и поднес ключи от Дербента гр. Зубову. Ген.-майор Савельев вступил в город с 4 батальонами пехоты.

13 мая сдался и город Куба.

18 мая управление городом Дербентом было передано сестре Шейх-Али-хана Перидже-ханум (Бутков П.Г., 1869. Ч. III. С. 285–286).

«При первом известии о движении русского отряда к Дербенту, Ага-Магомет-хан начал бежать внутрь Персии» (Бутков П.Г., 1869. Ч. III. С. 278). И таким образом, угроза кровожадного Ага-Магомет-хана не была реализована в отношении Дагестана. Сам же он был убит на заре в Шуше своими служителями 4 июня 1797 г. Владетели Дагестана потихоньку налаживали свои отношения с Россией.

Уже 26 апреля 1798 г. уцмий Рустем и табасаранский кадий Рустем прислали к царскому двору своих людей просить жалованья, назначенного им еще графом Зубовым (Бутков П.Г., 1869. Ч. III. С. 308). Как бы в ответ на это 6 июня 1799 г. император пожаловал шамхала Мехди из тайных советников в генерал-лейтенанты, уцмия Рустем-хана и табасаранского Рустем-кадия в 4-й класс, а Шейх-Али-хана в 3-й класс (Бутков П.Г., 1869. Ч. III. С. 314). Имеются сведения от 6 июля 1799 г., что, «предавая забвению поведение Шейх-Али-хана во время войны 1796г., император соизволяет принять его по-прежнему в подданство России и жалует его в 3-й класс» (Бутков П.Г., 1869. Ч. III. С. 315). 1 сентября 1799 г. все люди Шейх-Али-хан по его просьбе были отпущены царем с правом поселения в Дербенте или где они захотят (Бутков П.Г., 1869. Ч. III. С. 315).

Приведенные выше сведения позволяют сделать некоторые выводы, представляющие большой интерес и в современных условиях. Можно смело утверждать, что Дагестан расположен на такой части планеты Земля, которая все время привлекала к себе внимание правителей не только соседних, но и далеких от Дагестана стран, искавших удобного случая для распространения своей власти над народами как горной, так и равнинной частей Дагестана.

Прохождение через прикаспийскую часть Дагестана, имевшего мировое значение так называемого «шелкового» пути и соединявшего страны Европы (Англия, Германия), Россию, северокавказские и дагестанские народы со странами Закавказья вплоть до Индии и Китая, оказывало на народы Дагестана двойное влияние. С одной стороны, и это, на наш взгляд, главное – народы Дагестана посредством этого пути оказались вовлеченными в культурный обмен и в торгово-

экономические контакты со множеством представителей народов Азии и Европы. Еще в раннее средневековье это стимулировало экономическую, созидательную деятельность народов, живших относительно близко к трассе этого великого пути, в том числе и народов Дагестана, способствовало познанию ими многих производственных секретов по изготовлению высокохудожественных изделий ремесленного производства, связанного с обработкой металлов, камня, глины, дерева, рога, шерсти, шелка, льна и т.д. Особенно все это активно влияло на жизнь и производственную деятельность жителей приморского Дагестана, где товарно-денежные отношения зародились и развились намного раньше, чем в горной его части.

Отдельные участки этого пути нередко использовались правителями разных стран и для проведения завоевательных, агрессивных походов и акций, для переброски войск и т.д. «История Дагестана» отражает факты многократного использования морской (Дербент – мимо Тарков – Аграхань – Астрахань и обратно) и сухопутной (по приморской территории Дагестана от Дербента – через Кайтаг, мимо Бойнака, Тарков, Эндирея – Астрахани – Сунженского городка – Астрахани. По этому пути в Дагестан шла конница Петра I во время его персидского похода в 1722–1723 гг.), трасс этого пути. Но от Сунжи одна трасса по суше поворачивала в сторону Крыма, Анапы и т.д. Другая шла к Астрахани и далее по Волге в Москву и далее через Северное море в Англию (Дубов И.В., 1989. С. 161–210).

В целом приведенные нами данные позволяют говорить о богатой и древней предыстории той территории, на которой возникли большие (Дербент, Махачкала) и малые (Каспийск, Крепость Святого Креста, Кизляр) города Дагестана. Процесс обустройства этой территории имеет место и поныне, и, видимо, он будет продолжаться еще много веков, пока будут существовать Россия и Дагестан, связывая их со всеми народами нашей страны, близкого и дальнего зарубежья. Эти взаимовыгодные связи экономического, политического и культурного плана между народами Дагестана и России способствовали общему подъему их экономики и культуры, упрочению политической стабильности на всем западном побережье Каспийского моря, особенно на Северо-Восточном Кавказе, ставшем объектом политических интересов многих великих держав нашего времени. Добрые традиции прошлого нельзя, видимо, предавать забвению. Их лучше всем продолжать и укреплять.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К., 1999. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. I. Махачкала.

Белокуров С.А., 1889. Сношения России с Кавказом. М.

Броневский С.М., 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб. Ч. III.

Гаджиева С.Ш., 1961. Кумыки. М.

Гаджиев В.Г., 1965. Роль России в истории Дагестана. М.

Греков Б.Д., 1953. Киевская Русь. М.

Дубов И.В., 1989. Великий Волжский путь. Л.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. 1886. Т. III.

История Дагестана. 1967. В 4 т. Т. 1. М.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 2004. В 2-х т. Т. 1. М.

Кабардино-русские отношения XVI–XVII вв. 1959. Документы и материалы. Т. 1. М.

Ключевский В.О., 1956. Курс русской истории. Ч. 1. М.

Магомедов Р.М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала.

- Никитин Афанасий*, 1950. Хождение за три моря. М.
Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.». Документы и материалы. 1958. Махачкала.
- Сотавов Н.А.*, 2000. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала.
- Умаханов М.-С.К.*, 1973. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала.
- Хашаев Х.-М.О.*, 1961. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.
- Якубовский А.Ю.*, 1946. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. III. № 5.